

МЕЖДУ ОСОЗНАННОСТЬЮ И НЕЗАКОННОСТЬЮ: МОЛОДЕЖНЫЕ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Наталья Чернышёва, Елизавета Балацук

Наталья Чернышёва, Центр молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Седова, д. 55/2, Санкт-Петербург, 192019, Россия. nchernisheva@hse.ru.

Елизавета Балацук, Центр молодежных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Седова, д. 55/2, Санкт-Петербург, 192019, Россия. ebalatsyuk@hse.ru.

Благодарим Марию Немарову и Анну Батаеву за помощь в реализации исследовательского проекта, результаты которого легли в основу данной статьи.

В данной статье рассматриваются практики потребления психоактивных веществ (ПАВ) молодежью как процесс, упорядоченный нормами участников культуры потребления. Авторы надеются, что результаты настоящего исследования внесут определенный вклад в теоретическую дискуссию о нормализации, поскольку создание культур потребления ПАВ предполагает ряд нормализующих техник: требования к технике безопасности, «отстраивание» от иных практик потребления ПАВ, использование нормализующего дискурса в нарративах о ПАВ. Эмпирической базой нашего исследования стали 20 глубинных интервью с молодыми людьми 18–30 лет, имеющими опыт употребления нескольких типов ПАВ на регулярной основе. Мы выделяем три основных элемента в культуре потребления ПАВ: уровень желаемого контроля потребления, подход к выбору пространства, отношение к телесности. Их характеристика позволяет продемонстрировать разнообразие практик и ценностей наркопотребления. Участники исследования воспринимают культуру потребления ПАВ, к которой относят себя, как одну из социальных сфер жизни, где могут быть реализованы их жизненные цели.

Ключевые слова: нормализация; рекреационное потребление психоактивных веществ; культуры потребления; практики потребления; психоактивные вещества; молодежь

Рассмотрение практик потребления психоактивных веществ (далее – ПАВ) может опираться на государственный дискурс наркопотребления, акцентирующий внимание на его криминальных и медицинских последствиях (Дмитриева 2013). Сто-

ронники данного подхода привносят такое отношение в публичный и академический дискурс, где маркируют потребление ПАВ молодыми людьми как проявление рискованного поведения, требующего привлечения внешнего контроля для возвращения потребителей к социально одобряемому образу жизни (Позднякова 2016). Исследование потребления ПАВ в этой перспективе ограничивает возможность понимания культуры потребления и ценностей сообщества потребителей (Hunt, Evans, and Kares 2007). Сам фокус участников данного подхода на рискованном поведении может быть подвергнут критике: категория «риск» не применяется внутри сообщества, а становится внешним общественным ярлыком для регулирования и контроля.

Такой подход, опирающийся на государственный дискурс и игнорирующий понимание сообщества потребителей, не является единственным и гомогенным. Еще в классических работах по социологии девиантного поведения употребление ПАВ рассматривались с учетом агентности самого потребителя. Понятия «рекреационное потребление» и «проблемное потребление» в этой перспективе дифференцируются на основании показателей регулярности, целей потребления (ради проведения досуга или из-за проявлений зависимости), а также степени привыкания к ПАВ (Беккер [1963] 2018). Рекреационное потребление понимается как часть молодежных культурных практик и регулируется нормами молодежной культурной сцены (Пилкингтон 2006). Сама включенность в «рекреационные» практики позволяет потребителю обрести точку зрения инсайдера через осмысление и усвоение норм конкретной культуры потребления, из-за чего общественные суждения о ПАВ отвергаются самим потребителем – в этом и проявляется его агентность (Беккер [1963] 2018).

Внутри сообщества потребителей распространено стремление к нормализации опыта через включение в повседневную жизнь и приспособление своего поведения и идентичности к ценностям общества (Parker 2005). Так, исследования молодых потребителей ПАВ показывают, что эти люди нормализуют свой опыт, рассуждая о нем «в терминах повседневных практик выбора, контроля и управления» (Пилкингтон 2006:263), а также определяют свои практики не как регулярное потребление, а как контролируемый коллективный досуг с целью «расслабленного опьянения»: потребляемые вещества соотносятся по своему воздействию и последствиям употребления с легальным алкоголем и противопоставляются «настоящим наркотикам» (Järvinen and Demant 2011:174–178). Молодые наркопотребители стилизуют свои практики таким образом, чтобы совмещать их с другими сферами социальной жизни. Это позволяет достигать им соответствия личной идентичности ценностям общества (Дмитриева 2013). Концепция нормализации, таким образом, расширяет возможности понимания культурной составляющей потребления ПАВ: в данном подходе оно становится пространством для освоения специфических практик, регулирующих поведенческие нормы, язык и другие элементы культур наркопотребителей (Ариф 2013).

В этой статье мы изучим, как именно происходит процесс нормализации потребления ПАВ на примере молодых людей из Санкт-Петербурга. Ключевым для нашего исследования является анализ разнообразных способов нормализации

наркопотребления через создание различных культур потребления их участниками. Перед нами стоял исследовательский вопрос: какие элементы наркопотребления формируют культуры потребления для его участников, как эти элементы отвечают потребности нормализации опыта потребителей ПАВ? Для начала мы предлагаем обсудить распространенные сегодня идеи о нормализации потребления ПАВ, а также возможности для изучения наркопотребления с точки зрения культур потребления. После описания эмпирических оснований исследования мы перейдем к анализу значимого биографического этапа наркопотребителей – первого опыта, а также задействованных в нем социальных агентов, во многом определяющих ту культуру потребления, которую выберет для себя новый член сообщества. Затем мы рассмотрим три основных элемента культур потребления, оценка которых позволит изучить и сопоставить опыт наркопотребителей, и в заключение увидим, какие линии защиты культур потребления позволяют наркопотребителям нормализовать свой опыт.

КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННЫХ ПАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нормализация понимается как концептуальная основа для анализа меняющегося отношения к употреблению запрещенных ПАВ среди их потребителей с течением времени (Parker 2005). В работах Ховарда Паркера были определены шесть аспектов нормализации: доступность ПАВ или их предложения для покупки, пробы ПАВ или их распространенность в течение жизни, потребление в настоящем времени, предполагаемое использование ПАВ в будущем, стремление быть наркопотребителем независимо от индивидуального опыта употребления наркотиков, уровень культурного приспособления к рекреационному употреблению ПАВ. В противовес этой концепции разрабатывалась критика тезиса о нормализации, в которой говорилось о преувеличении масштабов приемлемости употребления ПАВ и упрощенных представлениях о данных практиках (Measham and Shiner 2009). Дифференцированный же подход показывает, что стигматизация и социальное неравенство, перекликающиеся с наркопотреблением, формируют процессы нормализации. Так, одни виды ПАВ конструируются как «развлекательные», и только определенная категория потребителей этих веществ в странах исследования (США) – белые представители среднего класса – относятся к «разумным» потребителям. Это показывает, что процессы нормализации неравномерны и согласовываются отдельными группами в определенных контекстах (Pawson and Kelly 2022).

В процессе нормализации могут быть задействованы такие агенты, как рыночные посредники в получении ПАВ, например, онлайн-магазины на теневом рынке, который может быть отнесен к «рынкам впечатлений», а сами ПАВ – к «опытному благу» (*experienced good*), качество которого невозможно оценить без непосредственной пробы (Бердышева и Недиков 2021:178). Способом нормализации и рутинизации спроса на продукцию в данном сегменте рынка становится, с одной стороны, выстраивание романтизированного образа потребителя (например, через приписывание эффектам потребления конвенционально одобряемой

эмоции — эмпатии), с другой – использование медиализированности общества для размывания границы между запрещенными веществами и теми легальными продуктами, что сказывается на состояниях человека.

Наличие разнообразных культур потребления ПАВ не выносит ее участников за скобки общественной жизни. Напротив, социальная ответственность становится тем, что формирует культуры наркопотребителей: важным условием для реализации данных практик является соотнесение их с неотложными обязательствами и исполнением иных социальных ролей — на работе, в учебе, семье (Skliamis et al. 2021). Наркопотребители реализуют свои практики не хаотично, а стремятся к соблюдению всех возможных временных, физических и личных границ, чтобы не нарушать правил повседневной жизни (Dwyer et al. 2012). При этом выстраивание и соблюдение границ контроля потребления может быть вызвано не страхом стигматизации, а уважением к не-потребителям (Skliamis et al. 2021). Требования к границам контроля потребления не являются фиксированными и зависят от индивидуальных предпочтений и ценностей участников. Понятия «нормального» или «приемлемого» поведения различается от потребителя к потребителю, и анализ конкретных кейсов может сформировать представление о разнообразии культур потребления ПАВ в рамках подхода к нормализации этих потребительских практик.

Иллюстрацией нормализации потребления ПАВ может служить сравнение следующих кейсов. В исследовании австралийской молодежной EDM-сцены, потребляющей вещества амфетаминового ряда и экстази, участники намеренно использовали эти ПАВ для стимуляции общения и телесной раскрепощенности. При этом практики потребления соотносились участниками с социально приемлемым поведением среди окружающих их людей: важным условием выступало сохранение внешне считаваемого телесного контроля (Dwyer et al. 2012). Напротив, исследование Шоуни Харкнесс, в котором она изучала специфику коммуникации в дружеской сети наркопотребителей, показало эксклюзивность данных практик для молодежи: здесь границы контроля потребления очерчены со всей строгостью закрытого сообщества, в котором использование экстази, каннабиса и иных запрещенных веществ предстает в качестве специфической дружеской практики, в которую могут быть включены только проверенные люди. Внутри этого комьюнити контроль за количеством и интенсивностью потребления становится частью правил дружбы, а доступ к телам участников практик наркопотребления – особой привилегией, что делает невозможным потребление среди малознакомых людей (Harkness 2020).

Таким образом, само комьюнити, в которое погружены потребители ПАВ, производит культуру потребления, различающуюся от сцены к сцене. Ола Ред Билгрей в качестве черт культуры потребления в комьюнити выделяет характер восприятия риска, права участников и отношения между ними, а также отношение и способы деконструирования внешних ярлыков (Bilgrei 2019:855). Джоффри Хант, Кристиан Эванс и Фейт Карес добавляют, что комьюнити также играет роль в формировании представлений об эффектах ПАВ: именно события в группе формируют контексты восприятия (Hunt et al. 2007:87). Исследование культур потребления ПАВ и социального включения их участников позволяет рассмотреть удовольствие от реали-

зации данных практик не в рамках стигматизированного физиологического переживания, а изучить его социальный контекст (Duncan et al. 2017). Исследование нарративов потребителей ПАВ в логике изучения культур потребления дает возможность выявить ценности, правила и паттерны поведения, приводящие к формированию компетентного подхода и контролируемому потреблению (Омельченко 2002).

Потребление как таковое является способом конструирования идентичности через встраивание в соответствующее культурное поле (Hathaway, Comeau, and Erickson 2011). В российском контексте, в ситуации общественной стигматизации потребители запрещенных веществ осуществляют «рефлексивный мониторинг» своих действий, чтобы подтверждать свою «компетентность» в осознании рисков и последствий потребления (Дмитриева 2013:168). Выстраивание собственной идентичности здесь может происходить за счет дистанцирования от «наркозависимых», а также через приписывание символических свойств потребляемому ПАВ: например, идентификация себя с «избранными» среди потребителей галлюциногенов (165).

Изучение культур потребления сосредотачивается на продуктивном аспекте потребления, выраженном в переопределении символических значений товаров для выражения субъективной позиции (Arnould and Thompson 2005). При этом субъективная позиция потребителя не может быть сугубо индивидуальной: индивид всегда так или иначе интегрирован в комьюнити потребителей (Долгова, Алиева и Золотарева 2021). Именно способность ограничивать себя в рамках заявленных референтной группой границ позволяет говорить не просто о поведении потребителя, а о совокупности ценностных установок, функционально полезных норм и правил, определяющих культуры потребления (Рычкова 2013).

Рассматривая наркопотребление как один из видов потребления в культурном смысле, мы соглашаемся с наличием разных типов практик потребления, имеющих уникальные черты, что позволит нам дифференцировать потребителей ПАВ на основании принимаемой ими культуры потребления. Именно выявление различий среди потребителей позволит дистанцироваться от стигмы и рассмотреть практики потребления ПАВ не в ключе социального исключения, а с позиции концептуальной рамки о нормализации.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Полевое исследование проводилось с октября 2019 по октябрь 2020 года в Санкт-Петербурге. Выбор города был продиктован уровнем спроса в среде наркопотребителей. Проведенное в 2019 году масштабное исследование Lenta.ru¹, посвященное изучению одной из самых крупных торговых площадок ПАВ в России, показывает, что общее количество размещенных в день предложений о продаже этих веществ в магазинах сети наиболее высоко в Москве и Санкт-Петербурге (3274 и 1795 соответственно). Если рассматривать не абсолютные, а относительные величины, соотнося количество размещенных в день предложений с населе-

---

¹ «Россия под наркотиками», исследование Lenta.ru, просмотрено 1 ноября 2022 г., <https://darknark.lenta.ru>.

нием городов-миллионников в 2019 году, Санкт-Петербург демонстрирует наиболее высокий показатель спроса: в Москве, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону и Воронеже число предложений составляет 0,02% от общего числа проживающих в городе, в то время как в Санкт-Петербурге этот показатель составляет 0,03% (см. Приложение 1). Тем не менее мы считаем, что полученные данные о культурах потребления ПАВ могут быть соотнесены с исследованиями наркопотребителей других городов: процессы глобализации, общность интернет-культуры и высокий уровень включенности молодежи в цифровую жизнь позволяет говорить о наличии общих паттернов потребления для схожих социальных групп в других регионах страны.

Мы провели 20 глубинных интервью с молодыми людьми в возрасте от 18 до 30 лет, в выборке соблюден гендерный баланс (см. Приложение 2). Четверо участников исследования в момент проведения интервью не принимали запрещенные ПАВ продолжительное время (от полугода), другие продолжали употреблять ПАВ, однако регулярность и популярность тех или иных веществ на протяжении их жизни менялись.

Помимо таких категорий, как возраст, гендер и город проживания, критерием выборки являлась сама группа ПАВ, употребляемых участниками исследования. Поскольку в других исследованиях уже были показаны различия в культурах потребления на основании типа потребляемых веществ (Lamy 2014; O’Gorman 2016; Biolcati and Mancini 2018; Pickering and Greenwood 2019), для нас было важно, чтобы потребители, которые участвовали в нашем исследовании, имели опыт использования как минимум трех типов ПАВ, имеющих стимулирующие или седативные свойства. Каждый из наших собеседников имел опыт потребления запрещенных веществ разных классов: психоделиков, считающихся исследователями «коллективными наркотиками», то есть такими, для потребления которых имеет значение наличие компании или компаньона (Gourley 2004; Harkness 2020); галлюциногенов, потребление которых воспринимается чаще как уместное для индивидуального опыта (Móro et al. 2011; Yaden et al. 2017; Kangaslampi, Hausen, and Rauteenmaa 2020); и стимуляторов, причисляемых к «клубным наркотикам» (Dwyer et al. 2012; Hannemann, Kraus, and Piontek 2017; Biolcati and Mancini 2018).

Наиболее распространенными ПАВ среди наших информантов стали вещества с более низким порогом входа – марихуана и гашиш. Образ этих веществ поддается все большей нормализации в публичном дискурсе в связи с постепенной легализацией каннабиноидов в некоторых странах (Бердышева и Недиков 2021), из-за чего эти ПАВ чаще прочих участвуют в первом опыте наркопотребителей. Из-за их фармакологических свойств (меньшее развитие толерантности к веществу, сравнительно слабое воздействие на самочувствие и восприятие реальности) эти ПАВ употребляют регулярнее – наши информанты говорили о ежедневном или еженедельном опыте их использования. Другие, более агрессивно влияющие на самочувствие вещества, употреблялись опрошенными нами молодыми людьми реже, но достаточно регулярно. К ним относятся различные эйфоретики и стимуляторы, частота их употребления варьируется от нескольких раз в месяц до нескольких раз в год (иногда регулярные периоды относятся к конкретным эпизодам жизни, и по-

сле потребление становится более прерывистым). Опыт потребления отдельных ПАВ участники исследования называют «разовым», что связано с дороговизной наркотика (например, кокаина) или его сильным галлюциногенным эффектом (LSD, грибы). Мы рассматриваем и регулярное, и эпизодическое потребление как процесс, формирующий культуры потребления. Изучение опыта разового потребления также имеет значение, поскольку позволяет получить сведения о том, каковы, по мнению участников исследования, причины отказа от вещества в дальнейшем, то есть результаты их рефлексии по этому поводу. Часто отказ продиктован предпочтением культуры потребления, не соответствующей эффекту, производимому конкретным ПАВ, опыт употребления которого был «разовым».

Все участники исследования имели образование не ниже среднего, были трудоустроены, а о потреблении ПАВ говорили как о форме досуга. Мы не можем утверждать, что наша выборка в достаточной степени гетерогенна, однако исследования показывают, что основными потребителями ПАВ являются представители среднего класса, проживающие в городах-миллионниках². Для нас было важно привлечь к исследованию незнакомых друг с другом людей, чтобы отразить наиболее разнообразные установки, но из-за трудностей рекрутинга сложилось так, что некоторые участники состояли в одном комьюнити, и это также может отразиться на представленных результатах.

Для анализа полученных данных было использовано открытое кодирование. Нами были выявлены основные практики, связанные с потреблением ПАВ, типы выделяемых участниками исследования значимых агентов, ценности, регулирующие границы потребления, а также основные этапы трансформации биографии потребителя. После обсуждения полученных кодов мы вернулись к теоретической работе, обнаружив потенциал для выявления культур потребления. Исследователи данной темы анализируют в первую очередь потребность и возможность контроля потребителями их собственных практик. Хилари Пилкингтон указывает, что российской молодежи свойственен высокий уровень контроля, обеспеченный несубкультурной локализацией рекреационного потребления (2006:241). Одним из индикаторов уровня контроля выступает сохранение разнообразных форм социальной включенности потребителей (Дмитриева 2013). На уровень контролируемости и безопасности потребления оказывает влияние устойчивость нормативных установок и принятых ритуалов наркопотребителей (Zinberg 1986). Эти социальные, культурные и психологические установки называют сеттингом, и их соответствие употребляемому наркотику способствует снижению уровня риска (Dalgarno and Shewan 2005).

Сформировав основные принципы исследования культур потребления запрещенных ПАВ, мы объединили выявленные коды в категории, характеризующие возможные культуры потребления. Мы анализировали потребность в контроле потребления и способы его осуществления, формы социальной включенности участников исследования, образ успешного потребителя, а также специфику описания идеального сеттинга. Стоит отметить, что идея анализа полученных матери-

---

² «Россия под наркотиками».

алов в теории культур потребления пришла к нам *in vivo*, поскольку сами участники исследования часто говорили о значимости культуры потребления ПАВ в их жизни.

ОСВОЕНИЕ КУЛЬТУР ПОТРЕБЛЕНИЯ

Основные элементы культуры потребления ПАВ можно выявить в нарративах наших собеседников при сопоставлении ими биографически первого и значимого первого опытов потребления. При знакомстве с ПАВ участники исследования проявляют меньшую агентность: первый эпизод употребления описывается как незначительная и рутинная ситуация. При построении нарратива возникают затруднения с описанием подробностей опыта: вопросы о давности произошедшего, количестве участников, собственной мотивации и ощущениях вызывают трудности и заставляют рассказчиков долго припоминать все декорации этого эпизода их жизни. В качестве оценочных суждений используются либо конструкции, выражающие безразличие («никакого отклика это не возымело», «особо ничего не понимаешь», «просто странные ощущения», «я вообще не была впечатлена»), либо упрощенные описания эмоций, которые не идут в сравнение с впечатлениями от последующего значимого опыта («мне понравилось», «было интересно», «весело, интересно, забавно», «будет весело, смешно и интересно»): «Ну вообще, са-амый первый раз – это было очень далеко. Ну это наверное. . . Не знаю, относится ли к теме, это просто гашиш был» (Лида).

Говоря же о первом значимом опыте потребления, многие подчеркивают приобретение самостоятельности в принятии решений: выбор вещества, покупка на собственные деньги, четкое понимание целей потребления. Рассказавшие нам о своем опыте люди становятся здесь организаторами процесса, а не его случайными участниками. В субъектной позиции для них обретает значение чувство причастности к культуре потребления. Знакомство с ней чаще всего происходит через значимых «экспертов», соупотребителей, участников референтных групп.

Можно выделить три категории социальных агентов, участвующих – прямо или косвенно – в процессе усвоения участниками исследования культур потребления. Первая категория – потребители с большим опытом. Эти агенты становятся проводниками: вводят в практику потребления ПАВ, угощают веществом, могут стать компаньонами при первом опыте, знакомят с фармакологической спецификой ПАВ. С началом рутинизации практик потребления они могут выступать «экспертами», задающими те или иные нормы. При этом опытные потребители не являются близкими людьми и не встречаются вне контекста первых опытов.

Следующей категорией агентов являются близкие люди, имеющие опыт наркотопотребления. Ими могут выступать друзья и партнеры. Они характеризуются как авторитетные фигуры, которые правильно организуют свои практики, гармонично сочетая их с повседневной жизнью. Их культура потребления является образцовой, ее паттерны заимствуются участниками исследования. Близкие люди могут оказать помощь в ситуации сложившейся зависимости и указать на рискованное поведение:

Как-то раз ко мне пришел мой товарищ хороший, с которым мы начинали гашиш курить, и я ему предложил [мефедрон]. Он, естественно, отказался. Он так на меня посмотрел и сказал: «Ты сам как считаешь, это вообще нормально, нет?» – и все, мы с ним продолжили дальше накуриваться. И ну и все, после этого я, такой, думаю: «Надо заканчивать уже». Ну и все (Антон).

Третья категория агентов – потребители из одной компании, разделяющие нормы поведения, активности, темы разговоров и цели потребления веществ. Отношения с ними характеризуются высоким уровнем взаимопонимания, им доверяется выбор «сеттинга» – компании и способов времяпрепровождения. Часто эти же потребители выступают поставщиками веществ и организаторами пространства. Данная категория людей не участвует в процессе формирования норм потребления, а поддерживает уже сложившуюся культуру потребления: «Ну у нас довольно осознающая тусовка, то есть мы отслеживаем, – ура! – что с нами происходит, или пытаемся это делать» (Вика).

ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУР ПОТРЕБЛЕНИЯ ПАВ

Проводимые рассказчиками границы между биографически первыми и значимыми первыми опытами потребления ПАВ выявляют ключевые элементы культур потребления. Мы выделили три основных элемента, разнообразие характерных черт которых формируют культуры потребления ПАВ. Рассмотрим каждый из них по порядку.

Первым и основополагающим является осознанность, через которую участники исследования выражают свою агентность. Осознанность показывает, что человек контролирует процесс, отдает отчет в своих действиях и, реализуя опыт потребления, преследует определенные цели. Осознанность предполагает наличие у человека знаний о ПАВ и их эффектах, понимание возможных рисков, а также выбор подходящих внешних условий и отслеживание своего внутреннего настроения. Контроль своего эмоционального и психологического состояния – значимая составляющая при организации потребления ПАВ. Многие участники старались разрешить эмоциональные напряженности до реализации потребления ПАВ: «Ну то есть мы полностью. . . сняли с себя какую-то внутреннюю ответственность и груз, ну то есть максимально короче облегчились в этом плане. . .» (Соня).

Рассказчики отмечают, что в организации потребления ПАВ важно рассчитывать количество выделенного времени: его должно быть достаточно, чтобы наслаждаться процессом потребления и вернуться к повседневной жизни. Рассчитывать следует и количество приобретенного вещества – его должно быть достаточно для нужной компании и ожидаемого эффекта:

Интервьюер: Что было самым важным в организации трипа [процесса потребления ПАВ]?

Информант: Компания, безопасность, количество взятого и время. Его должно было быть просто много для того, чтобы приехать, собраться, накидаться всем этим, отойти и вернуться (Никита).

Все эти элементы указывают на способность контролировать процесс потребления, то есть находиться в состоянии осознанности. В то же время потребность в высокой степени контроля собственных практик может являться результатом самостигматизации и желанием продемонстрировать свое поведение как социально одобряемое. В зависимости от степени желаемого уровня контроля за объемом и частотой потребления ПАВ можно выделить два подхода к культуре потребления – сакрализирующий и рутинизирующий.

Рутинизирующий подход характеризуется совмещением потребления ПАВ с повседневными практиками: прогулками, совместным досугом с близким человеком, домашними делами, решением рабочих вопросов, походами в магазин. В этом случае происходит «опривычивание» потребления. Причиной выбора этого подхода может быть желание снять напряжение, используя ПАВ как альтернативу алкоголя.

Одним из способов рутинизации потребления ПАВ может выступать составление графика. Подобным образом происходила рутинизация потребления ПАВ у участницы, регулярно употреблявшей амфетамин. Потребление вещества было назначено на утро, поскольку далее дневной график рассчитывался, исходя из ее желания минимизировать последствия влияния вещества на ее настроение и поведение. Время, когда вещество переставало действовать и появлялся негативный эффект, приходилось на период сна. В данном случае мы наблюдаем попытку возврата человеком контроля и осознанности за потреблением в рамках рутинизирующего подхода: «С утра я, значит, принимаю горячий душ. . . делаю все дела, снюхиваю две дорожки, крашусь, высушиваю голову, иду заниматься своими делами, целый день я веселая-прекрасная, вечером я прихожу домой, меня отпускает, я ложусь спать. И с утра все заново» (Ксюша).

Для сакрализирующего подхода свойственно стремление потребителей сокращать объемы ПАВ и частоту практик: дозировать их во времени (делать перерывы), вести учет потребляемых веществ (закрашивать дни календаря), самоустраняться от источника веществ (переехать в другой город, оборвать связи с соупотребителями). Это может быть связано с мотивацией – желанием приумножить опыт потребления сильными переживаниями и сделать его более эксклюзивным. В этом случае потребление ПАВ не определяется в категориях рутины и повседневности, но оно также может сопровождаться различными ритуалами: созданием особой атмосферы и настроя с помощью света и музыки, тщательным выбором партнера для совместного употребления: «Ты его потребляешь [гашиш], включаешь какую-нибудь музыку арабскую, персидскую там, приглушаешь свет, просто садишься и сидишь» (Саша).

Другой элемент культур потребления – подход к выбору и организации пространства. В зависимости от целей, типа вещества и личных предпочтений выделяются три основных категории мест: специально подобранное закрытое пространство (собственная квартира, квартира доверенного лица, дом или вилла, лобби); природа; публичное пространство (тусовка, улицы города, людные места).

Для культуры потребления, элементом которой является организация потребления в закрытом пространстве, важна возможность самостоятельно обустроить и контролировать место потребления ПАВ. Ограничениям подвергается не только пространство, но и круг людей, избранный для проведения совместного досуга – прослушивания музыки, общения, проведения музыкальных джемов. Благодаря повышенному контролю за пространством потребители могут сосредоточиться на своих внутренних переживаниях и мыслях, осуществить желаемые сексуальные практики.

Наиболее распространенным закрытым местом потребления ПАВ является личная квартира. Как правило, все участники исследования так или иначе имели опыт потребления ПАВ в квартире, однако не у всех отношение к этому способу организации пространства было положительным. Для тех, чья культура потребления включает в себя потребление в закрытом пространстве, ценность процессу придает компания, внутренние переживания и самоощущения. Участники, тяготеющие к другому типу пространства, в котором происходит употребление ПАВ, оценивают такой опыт как бессмысленный и неинтересный: «нужны уже какие-то другие впечатления: хочется куда-нибудь на море, в лес, но не в российский только, на океан, ну, что-нибудь такое. Валяться на диване под музыку – это уже, ну, такое. . . хочется больше природы, меньше дивана» (Ваня). Эта группа выбирает потребление ПАВ в публичных пространствах или на природе. На природе представители этой группы могут проводить время за созерцанием пейзажей, визуальных эффектов от употребления ПАВ, размышлениями в уединении. Само место, по словам некоторых участников исследования, может проявлять определенную агентность и «призывать» к потреблению. Это могут быть не только природные локации, но и важные вечеринки, на которых ожидается соответствующая настрою музыка или организацией которых занимаются люди, разделяющие нормы избранной культуры потребления.

Публичные пространства (вечеринки, рейвы, тусовки) характеризуются сниженным контролем со стороны потребителей. Ценность их использования заключается в получении наибольшего физического эффекта от вещества, усилении телесных ощущений, раскрепощении, выплеске накопившихся эмоций: «Мы любим рейвы, где можно просто звериться, оголиться, просто сделать какой-нибудь макияж. . . Знаешь, надеть на себя маску. То есть, когда ты делаешь макияж, когда я делаю какой-нибудь макияж – это не я. Это кто-то другой. И можно прямо на какое-то. . . зверское такое выплеснуть энергию» (Леда).

Сниженный контроль со стороны потребителей, выбирающих публичные пространства, не означает стремления к рисковому поведению. Напротив, рассказчики часто говорят о требованиях к безопасности, поэтому публичные пространства чаще фигурируют при описании зарубежного опыта потребления. В случае с Россией публичное потребление веществ не является обыденной практикой, а людные места могут оцениваться как небезопасные. И при выборе специального места, и при ситуационном потреблении вне дома такие практики могут восприниматься как рискованные из-за угрозы со стороны правоохранительных ор-

ганов: «Ты должен быть уверен, что ты на хрен никому не нужен, чтобы тебя не трогали» (Никита).

Третьим элементом культур потребления выступает отношение к телесности в процессе потребления ПАВ. Первый тип восприятия телесности сосредоточен на эффекте от вещества, поэтому физическое состояние во время практик определяет отношение к дальнейшему употреблению или отказ от него. Второй тип не придает телесности ключевого значения либо сосредотачивается на ней лишь в некоторых контекстах. В этом случае в нарративах рассказчиков фокус смещается на другие аспекты – эмоции, рефлексию, взаимодействие с другими людьми.

При высокой значимости телесности в процессе потребления его целью становится физическое расслабление, усиление эффекта от телесных практик или секса, а самоощущения в процессе потребления расцениваются как важная и положительная часть опыта:

Но когда я выхожу с работы после шести часов стояния вот так вот там или вот так вот как-нибудь [*сидя показывает, как неудобно приходится наклоняться*] и делая татуировку, я просто подкуриваю косяк и иду по улице не парясь. . . .
Прям вот сразу все спазмы, все снимает. Тело расслабляется, и это прям. . . .
(Олеся).

В данном типе нарративов можно выделить два преобладающих дискурса. Назовем первый из них «научным», поскольку он характеризуется использованием научной терминологии со стороны участников исследования, объяснением своего состояния биохимическими процессами в мозге, особенностями нервной системы. Некоторые нарративы звучат как полноценные трансгуманистические теории, предполагающие способность человека полностью брать под контроль свое тело с помощью психоактивных и медикаментозных препаратов:

Теория была такая: мы смешаем [психоделик] с [медицинским препаратом] и будет суперлегкий вход. [. . .] Мной была выдвинута теория, что проблемы на входе – это психосоматика, то есть организм охуевает от того, что с ним происходит что-то очень странное, из-за этого у тебя появляются физические ощущения. . . . подобие турбулентности, можно так сказать. Была теория, что мы примем [медицинский препарат], он успокоит разум, а разум успокоит тело. Так и произошло – идеальный вход, никаких проблем (Илюша).

Второй дискурс может быть обозначен как «трансцендентный», где при описании своих самоощущений рассказчики придают им мистический смысл. Характерен больший акцент на самоощущениях и психоэмоциональной составляющей, чем на физической. Участники могут описывать такой опыт как «единение с космосом», «единение с Вселенной», как познание недоступной в трезвом состоянии части своего сознания: «у нее, и у ее знакомых приходил образ Бога, и они как-то проникались этим религиозным благоговением. Ну, не то, чтобы религиозным, но созерцанием чего-то высшего. Но. . . я видела Будду тоже, но я не чувствовала ничего» (Василиса).

НОРМАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУР ПОТРЕБЛЕНИЯ ПАВ

Описанные выше элементы складываются в различные культуры потребления, которые в силу их маргинализованности в российском контексте требуют от участников выстраивания определенной линии защиты, нормализующей их опыт. В качестве таких линий могут выступать следующие элементы: требования к безопасности организации опыта потребления, «отстраивание» от иных культур потребления ПАВ, а также использование нормализующего дискурса в нарративах об опыте потребления.

К требованиям безопасности участники исследования относят особенности внешних условий реализации опыта потребления (сеттинга), предпочитаемый тип и количество вещества, а также техники заботы о здоровье. В понятие сеттинга включаются правила поведения, ограниченность компании, комфортабельность (включая безопасность) выбранного пространства. Небезопасность пространства может снижать для потребителей ценность такого опыта, так как будет вызывать тревогу и сбивать с внутренних установок, направления мыслей:

Тут [на тусовках] опять же нету чувства безопасности. То есть когда ты приходишь на закрытую тусовку и у тебя есть чувство безопасности – это круто, а когда ты попадаешь в какое-то общее пространство, когда ты не можешь почувствовать себя в безопасности, очень сложно бывает расслабиться, и все время у тебя какой-то камешек лежит, что вот, должно произойти что-то нехорошее (Илюша).

Эти самоощущения могут отрицательно сказываться на ментальном здоровье потребителей. Чтобы избежать негативных последствий, человек меняет культуру потребления или отказывается от потребления вовсе, поэтому демонстрация собственного анамнеза встречается в нарративах тех рассказчиков, чьи практики подверглись трансформации. Дискурс о здоровье как одном из требований к безопасности значим не для всех участников исследования и может включать в себя повествование как о психических, так и физических последствиях от потребления ПАВ: «Мне психику шатануло. . . Ну, это было два в одном. Это была и наркота, и анорексия» (Леда).

Отстройка от иных культур потребления ПАВ чаще всего связана с порицанием частого и неконтролируемого приема ПАВ. По отношению к участникам таких культур используются стигматизирующие категории («наркоманы», «марафонцы»), а их практики характеризуются в понимании участников исследования отсутствием цели потребления, осознания возможных рисков и эффектов вещества, неконтролируемостью дозировки и периодичности. Подобное осуждаемое рискованное поведение грозит наиболее неодобряемым исходом – появлением зависимости (как физической, так и психологической):

Просто опять же я видел ребят, которые неделю не спали, просто потому что у них. . . , у них есть порошок. А потом они лежали в больнице, и ничего хорошего в этом не было. Потом, когда они выходили из больницы, набирали, там, пять-десять килограмм обратно, и все повторялось. То есть это кайф ради кайфа – это неправильно (Антон).

Можно выделить следующие векторы потребления, по которым происходит классификация потребителей ПАВ. Первый вектор можно обозначить как «частое систематическое потребление – отказ от потребления в данный период жизни». Для практик потребителей, поддерживающих частое систематическое потребление, характерно потребление ПАВ на регулярной основе, отказ от дозирования, рисковое поведение. Такой тип потребления безусловно осуждается участниками исследования, даже если некоторые из них относят себя к нему.

Второй вектор – «полное посвящение себя потреблению ПАВ – умелое сочетание социальной жизни и потребления». Здесь потребители классифицируются по умению соотносить досуг и повседневность. В одном случае может происходить частичная десоциализация потребителей: потребление ПАВ играет определяющую роль в их жизни, что может негативно сказываться на социальном статусе (проживание в плохих условиях, неухоженный внешний вид). Практики таких людей характеризуются высокой частотой потребления при снижении критериев качества условий потребления и самих ПАВ.

Такой опыт вызывает у участников исследования тревогу и опасения, так как потребитель этого типа частично утрачивает контроль над своей жизнью. Дестигматизирующей ситуацией является гармоничное совмещение повседневности и потребления ПАВ: «[если] делаешь с какими-то уже взрослыми людьми, ты с ними сидишь дома, в уютной атмосфере, с ужином за столом, едите там, и вместе с этим вы курили бонг, то тогда, понятное дело, все будет совсем иначе» (Влад).

Третий вектор потребления можно обозначить как «склонность к негативным эффектам ПАВ – комфортное ощущение себя во время опыта потребления». Здесь рассказчики выделяют потребителей, тяжело реагирующих на ПАВ. Некоторые относили себя к данной категории, в результате чего принимали решение отказаться от веществ, провоцирующих негативные эффекты: «он всегда был такой, в целом загончивый человек, его классический трип, там, – полежать, посмотреть в потолок, как с него, там, течет кровь. . . , а Илья – его всегда разьебывало по полной, ну, в хорошем смысле слова. . . Он, там, какую-то чушь несет, танцует, там, еще что-нибудь в этом роде» (Ваня).

В своих нарративах участники исследования делали акцент на подконтрольности процесса потребления, где они выступали основными действующими агентами, а вещество являлось лишь средством для достижения той или иной цели потребления. При описании данных способов рутинизации и нормализации потребления ПАВ участники исследования выделяют различные цели потребления: ради ощущений внутри тела и разума, для разрешения проблемы или поиска новых идей или же из-за стремления к иному мировосприятию. Эти цели определяют сложившиеся среди участников культуры потребления ПАВ. Именно обоснованность их выбора целью потребления создает условия для нормализации избранных практик, а акцент на субъектности и рациональности делает потребление ПАВ таким же средством достижения значимых результатов, как и иные социально одобряемые действия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В описанном выше анализе мы отталкивались от подхода, учитывающего субъектность молодых потребителей ПАВ, что позволило избежать их стигматизации и выявить множественные интерпретации опыта и мотивов потребления различных веществ. Рекреационное потребление ПАВ рассматривалось нами как совокупность практик, регулирующих нормы поведения, ценности и взаимодействия между их участниками, то есть как культура наркопотребления.

Анализ проводился на основании 20 глубинных интервью с молодыми людьми в возрасте от 18 до 30 лет – юношами и девушками, имевшими опыт употребления как минимум трех типов ПАВ: психоделиков, галлюциногенов, стимуляторов. Мы сфокусировались на процессе нормализации практик потребления, то есть на формировании и переопределении практик потребления и переопределении их символических значений, что отражало ценностные установки и субъективную позицию о границах контроля самих участников исследования. Через этот фокус был проведен последующий анализ практик потребления ПАВ, составляющих культуры потребления среди молодых людей Санкт-Петербурга.

Культуры потребления состоят из ряда ключевых элементов, усвоение которых проходило у молодых людей в процессе первых практик потребления. Биографически первый и значимый первый опыты разделяются в нарративах рассказчиков, высвечивая разную степень их агентности. Если при первой пробе опыт характеризуется в довольно размытых и обобщенных категориях, то при описании «первого настоящего» опыта подчеркивается самостоятельность принимаемых решений, проактивная роль в организации процесса потребления.

Переосмысление общественных суждений о небезопасности рекреационного использования ПАВ является следствием участия в практиках потребления и выработки «инсайдерской» позиции (Беккер [1963] 2018). Это выражено в усвоении той или иной культуры потребления ПАВ, поддерживаемой значимыми социальными агентами. Ими могут выступать потребители с большим опытом, близкие люди, имеющие опыт потребления, потребители из одной компании. Все эти категории агентов конструируют и поддерживают различные культуры потребления. Если потребители с большим опытом включены в этот процесс на начальном этапе, то близкие люди и потребители из одной компании включены и в последующие практики потребления ПАВ. Посредники и продавцы являются важными агентами в нормализации практик потребления, фреймируя ПАВ как продукт, имеющий положительную социальную функцию (Бердышева и Недиков 2021). Однако в нашем материале их роль не была артикулирована; функции нормализации и нивелирования асоциальной составляющей ПАВ для наших информантов выполняют другие вышеперечисленные социальные агенты.

Рекреационные практики потребления включают в себя характерные для выбранной культуры потребления элементы. Основополагающим элементом выступает осознанность в принятии решения и в организации употребления ПАВ. Осознанность – показатель контроля человека за процессом потребления и за собственным состоянием. О значимости контроля для потребителей ПАВ в российской культуре говорили и другие исследователи (Пилкингтон 2006; Дмитриева

2013), однако мы выяснили, что культуры потребления различаются в зависимости от выбранной степени контроля: мы выделили «рутинизирующий» и «сакрализирующий» подход. Если для первого свойственно «опривычивание» потребления ПАВ (его совмещение с повседневными практиками), то для второго характерно стремление сделать свой опыт потребления более эксклюзивным.

Вторым элементом культур потребления стал подход к выбору и организации пространства для потребления ПАВ. Отношение к пространству можно отнести к требованиям к сеттингу (Zinberg 1986), и в историях информантов мы увидели, насколько пространство связано с внутренними ощущениями и силой фармакологического эффекта для наркопотребителей. Обобщая нарративы участников исследования, можно выделить три ключевых типа мест, выбор между которыми связан с целями, личными предпочтениями и типом употребляемого вещества. Это закрытое пространство, природа, публичное место. Для каждого из них различается степень контроля поведения потребителей: в закрытом пространстве процесс детально контролируется, а в открытых контроль снижается. При этом к любому из мест потребители будут сохранять требование к безопасности и отсутствию рисков.

Третьим выделенным элементом является отношение к телесности в процессе потребления ПАВ. Для части участников исследования телесные ощущения не имеют большого значения, а в приоритете – собственные эмоции, взаимодействие с людьми или рефлексия. В случаях, когда рассказчикам было важно телесное восприятие, в нарративах прослеживалось два дискурса – научный и трансцендентный. Первый содержит апеллирование к существующим результатам исследований в области биологии и медицины, тогда как второй рассматривает самоощущения в контексте мистического опыта.

Перечисленные выше элементы составляют основу культур потребления ПАВ, как они определяются самими потребителями, в противопоставлении распространенному и законодательно закрепленному представлению о потреблении наркотиков как девиантного поведения. Для нормализации своего опыта участники исследования конструируют определенные линии защиты своих культур потребления: требования к безопасности в организации опыта потребления, отстраивание от иных культур потребления ПАВ, использование нормализующего дискурса.

Требования к безопасности включают такие составляющие, как выбор типа и количества вещества, техники заботы о здоровье и определение «сеттинга» – правила поведения, выбор пространства и компании потребителей. Отсутствие рисков становится показателем сохранения агентности потребителя, контролируемости процесса потребления ПАВ. В противовес этой регулируемой культуре рассказчики описывают иные практики потребления, в рамках которых человек может частично или полностью утрачивать контроль над собственной жизнью. Классификация иных потребителей происходила по трем ключевым векторам: «частое систематическое потребление – отказ от потребления в данный период жизни», «полное посвящение себя потреблению ПАВ – умелое сочетание социальной жизни и потребления», «склонность к негативным эффектам ПАВ – комфортное ощущение себя во время опыта потребления».

Выявленные в ходе анализа элементы культур потребления ПАВ, а также способы защиты этих культур встроены в процесс нормализации опыта рекреационного потребления веществ, который негативно оценивается в российской действительности обществом и государством. Такой процесс нормализации представляет собой постоянную рефлекссию над собственными действиями и выстраивание идентичности за счет наделения своих практик символическим значением («крутинизирующий» и «сакрализующий» подходы) и отстройки от иных потребителей, что согласуется с результатами других эмпирических исследований практик потребления в контексте наркокультуры.

Подобная рационализация собственных практик потребления, постоянная апелляция к осознанности и проявлению собственной субъектной позиции легитимизирует включенность человека в ту или иную культуру потребления ПАВ. Культуры потребления ПАВ выстраиваются участниками исследования как еще одна социальная плоскость, где могут достигаться значимые для человека результаты, связанные с его социальной деятельностью и ценностными ориентациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ариф, Эльвира. 2013. «Включить режим бога – значит все можно?: телесность молодежи, потребляющей запрещенные психоактивные вещества». С. 255–276 в *Pro Тело. Молодежный контекст*, под ред. Елены Омельченко и Надежды Нартовой. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Беккер, Говард. [1963] 2018. *Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности*. М.: Элементарные формы.
- Бердышева, Елена и Данила Недиков. 2021. «Соблазнительные фасады рынка каннабиноидов в российском даркнете: конструирование качества как ключ к социальной нормализации спроса». *Laboratorium: Журнал социальных исследований* 13(2):172–206. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-172-206>.
- Дмитриева, Александра. 2013. «“Стилизация” биографических траекторий через потребление наркотиков». *Журнал социологии и социальной антропологии* 16(3):154–171.
- Долгова, Ирина, Светлана Алиева и Юлия Золотарева. 2021. «Потребительское поведение в концепте потребительской культуры». *Сборники конференций НИЦ Социосфера* 6:5–9.
- Омельченко, Елена. 2002. «Tabula rasa или Terra incognita: Инновации и традиции в антинаркотической деятельности». С. 65–92 в *Тринадцатый шаг: Опыт анализа антинаркотических региональных социальных политик*, под ред. Елены Омельченко. Ульяновск: Издательство Ульяновского государственного университета.
- Пилкингтон, Хилари. 2006. «“Для нас это нормально”: исследование “рекреационного” употребления героина в культурной практике российской молодежи». *Журнал исследований социальной политики* 2(4):229–268.
- Позднякова, Маргарита. 2016. «Наркоситуация в России и новые модели употребления наркотиков». *Социология медицины* 1:25–30.
- Рычкова, Надежда. 2013. «Потребительские практики и моделирование поведения потребителей (методологический аспект)». *Вестник Казанского технологического университета* 5:284–287.
- Arnould, Eric, and Craig Thompson. 2005. “Consumer Culture Theory (CCT): Twenty Years of Research.” *Journal of Consumer Research* 31(4):868–882. <https://doi.org/10.1086/426626>.
- Bilgri, Ola Røed. 2019. “Community-Consumerism: Negotiating Risk in Online Drug Communities.” *Sociology of Health & Illness* 41(5):852–866. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12864>.
- Biolcati, Roberta, and Giacomo Mancini. 2018. “Club Drugs and Rave Parties: A Pilot Study on Synthetic Drug Consumption Styles in a Sample of Young Italian Ravers.” *Open Public Health Journal* 11(1):474–484. <https://doi.org/10.2174/1874944501811010474>.

- Dalgarno, Phil, and David Shewan. 2005. "Reducing the Risks of Drug Use: The Case for Set and Setting." *Addiction Research & Theory* 13(3):259–265. <https://doi.org/10.1080/16066350500053562>.
- Duncan, Tristan, Cameron Duff, Bernadette Sebar, and Jessica Lee. 2017. "Enjoying the Kick: Locating Pleasure within the Drug Consumption Room." *International Journal of Drug Policy* 49:92–101. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.07.005>.
- Dwyer, Robyn, Amy Pennay, Rachael Green, Christine Siokou, Monica Barratt, Nicola Thomson, and David Moore. 2012. "The Social Contexts and Cultural Meanings of ATS Use and Their Implications for Policy and Practice" Pp. 56–68 in *Perspectives on Amphetamine Type Stimulants*, edited by Steve Allsop and Nicole Lee. Hawthorn East, Australia I. P. Communications.
- Gourley, Michelle. 2004. "A Subcultural Study of Recreational Ecstasy Use." *Journal of Sociology* 40(1):59–73. <https://doi.org/10.1177/1440783304040453>.
- Hannemann, Tessa-Virginia, Ludwig Kraus, and Daniela Piontek. 2017. "Consumption Patterns of Nightlife Attendees in Munich: A Latent-Class Analysis." *Substance Use & Misuse* 52(11):1511–1521. <https://doi.org/10.1080/10826084.2017.1290115>.
- Harkness, Shawnee. 2020. "Negotiating Drugs & Friendship: The Ambiguous Nature of Inclusive, Exclusive and Exclusionary Practices of Drug-Using Friendships through Life Transitions." *Inclusion vs. Exclusion* 11:46–61. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.23836.41603>.
- Hathaway, Andrew D., Natalie C. Comeau, and Patricia G. Erickson. 2011. "Cannabis Normalization and Stigma: Contemporary Practices of Moral Regulation." *Criminology & Criminal Justice* 11(5):451–469. <https://doi.org/10.1177/1748895811415345>.
- Hunt, Geoffrey P., Kristin Evans, and Faith Kares. 2007. "Drug Use and Meanings of Risk and Pleasure." *Journal of Youth Studies* 10(1):73–96. <https://doi.org/10.1080/13676260600983668>.
- Järvinen, Margaretha, and Jakob Demant. 2011. "The Normalisation of Cannabis Use among Young People: Symbolic Boundary Work in Focus Groups." *Health, Risk & Society* 13(2):165–182. <https://doi.org/10.1080/13698575.2011.556184>.
- Kangaslampi, Samuli, Aino Hausen, and Tarina Rauteenmaa. 2020. "Mystical Experiences in Retrospective Reports of First Times Using a Psychedelic in Finland." *Journal of Psychoactive Drugs* 52(4):309–318. <https://doi.org/10.1080/02791072.2020.1767321>.
- Lamy, François. 2014. "Studying Recreational Polydrug Use through an Ontology Agent-Based Simulation." PhD dissertation, Faculty of Business, Charles Sturt University.
- Measham, Fiona, and Michael Shiner. 2009. "The Legacy of 'Normalisation': The Role of Classical and Contemporary Criminological Theory in Understanding Young People's Drug Use." *International Journal of Drug Policy* 20(6):502–508. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2009.02.001>.
- Móro, Levente, Katalin Simon, Imre Bárd, and József Rácz. 2011. "Voice of the Psychonauts: Coping, Life Purpose, and Spirituality in Psychedelic Drug Users." *Journal of Psychoactive Drugs* 43(3):188–198. <https://doi.org/10.1080/02791072.2011.605661>.
- O'Gorman, Aileen. 2016. "Chillin, Buzzin, Getting Mangled, and Coming Down: Doing Differentiated Normalisation in Risk Environments." *Drugs: Education, Prevention and Policy* 23:247–254. <https://doi.org/10.1080/09687637.2016.1176991>.
- Parker, Howard. 2005. "Normalization as a Barometer: Recreational Drug Use and the Consumption of Leisure by Younger Britons." *Addiction Research & Theory* 13(3):205–215. <https://doi.org/10.1080/16066350500053703>.
- Pawson Mark, and Brian C. Kelly. 2022. "Drug Normalization and Conventional Social Institutions: The Unusual Case of Prescription Drug Misuse." *Sociological Forum* 37(1):48–69. <https://doi.org/10.1111/sof.12778>.
- Pickering, Lucy, and Sharon Greenwood. 2019. "New for Who?: Novelty and Continuity in Drug-Related Practices of People Who Use New Psychoactive Substances." *Contemporary Drug Problems* 46(4):323–344. <https://doi.org/10.1177/0091450919885664>.
- Skliaimis, Kostas, Annemieke Benschop, Nienke Liebrechts, and Dirk J. Korf. 2021. "Where, When and with Whom: Cannabis Use, Settings and Self-Regulation Rules." *Contemporary Drug Problems* 48(3):241–259. <https://doi.org/10.1177/00914509211033921>.

Yaden, David B., et al. 2017. "Of Roots and Fruits: A Comparison of Psychedelic and Nonpsychedelic Mystical Experiences." *Journal of Humanistic Psychology* 57(4):338–353. <https://doi.org/10.1177/0022167816674625>.

Zinberg, Norman. 1986. *Drug, Set, and Setting: The Basis for Controlled Intoxicant Use*. New Haven, CT: Yale University Press.

Приложение 1. Спрос на ПАВ в городах-миллионниках России (данные 2019 года)

Город	Население	Количество предложений ПАВ на торговой площадке в день	Соотношение доли населения города и количества предложений
Москва	12 615 882	3274	0,02
Санкт-Петербург	5 383 890	1795	0,03
Новосибирск	1 618 039	308	0,01
Екатеринбург	1 483 119	339	0,02
Казань	1 251 969	111	0,008
Нижний Новгород	1 253 511	160	0,01
Челябинск	1 200 719	122	0,01
Самара	1 156 608	182	0,01
Омск	1 164 815	84	0,007
Ростов-на-Дону	1 133 307	278	0,02
Уфа	1 124 226	177	0,01
Красноярск	1 095 286	126	0,01
Воронеж	1 054 111	220	0,02
Пермь	1 053 934	148	0,01
Волгоград	1 013 468	83	0,008

Приложение 2. Список интервью

Псевдоним	Возраст	Пол	Потребляемые психоактивные вещества
Стас	30	М	Марижуана – ежедневно; амфетамин – регулярно; ЛСД (и производные), экстази, MDMA – периодически (перерывы по несколько месяцев); кокаин – разовый опыт
Саша	18	М	Марижуана – еженедельно; ЛСД, экстази, MDMA – периодически; героин – разовый опыт
Костя	26	М	Марижуана – еженедельно; ЛСД, экстази, MDMA – периодически; амфетамин – недолгий опыт в прошлом
Василиса	23	Ж	В данный момент не употребляет. ЛСД, NBот – регулярно; экстази, MDMA – периодически; марихуана – непродолжительный опыт в прошлом; MDA – разовый опыт

Псевдоним	Возраст	Пол	Потребляемые психоактивные вещества
Ваня	26	М	Марихуана, гашиш, псилоцибиновые грибы, ЛСД, MDMA – несколько раз в месяц; сальвия, ДОБ, кокаин – разовый опыт; стимуляторы амфетаминового ряда – эпизодически в прошлом
Антон	30	М	Марихуана, гашиш – ежедневно (пытается снизить интенсивность); экстази, мефедрон – периодически; ЛСД, сальвия, «спайс» – разовый опыт
Илюша	24	М	Марихуана, ЛСД, экстази, MDMA – на регулярной основе; амфетамин – в прошлом на регулярной основе; мефедрон, кокаин – эпизодический опыт
Никита	25	М	В данный момент не употребляет. Гашиш, метамфетамин, 2С-В, 2С-І, ДОБ, MDMA, ЛСД, марихуана, амфетамин, псилоцибиновые грибы, экстази – на регулярной основе; кокаин – разовый опыт
Кирилл	24	М	Марихуана – на регулярной основе; MDMA, ЛСД, амфетамин, псилоцибиновые грибы, экстази – периодически
Влад	26	М	Марихуана – несколько раз в неделю; другие ПАВ – эпизодически
Олеся	25	Ж	Марихуана – на регулярной основе (практически ежедневно); MDMA – эпизодически (раз в полгода)
Лида	29	Ж	В данный момент не употребляет. До этого употребляла ПАВ (MDMA, экстази, псилоцибиновые грибы) еженедельно (каждые выходные); марихуана – эпизодический опыт потребления
Вика	25	Ж	В данный момент не употребляет. Марихуана – регулярно; экстази, MDMA, псилоцибиновые грибы – отдельные эпизодические пробы
Соня	28	Ж	Марихуана – на регулярной основе; отдельные случаи пробы MDMA, экстази, ЛСД, амфетамина, псилоцибиновых грибов
Оля	29	Ж	Марихуана – на регулярной основе; отдельные эпизоды употребления ЛСД, псилоцибиновых грибов, кокаина, экстази
Леша	25	М	Марихуана – на регулярной основе; был отдельный период употребления психоделиков (DOС, DOB, DOM, 2С-В, NBom); отдельные эпизоды пробы амфетамина, дизайнерских синтетических веществ – «солей», мефедрона
Ксюша	27	Ж	Сейчас – разовые пробы экстази и MDMA, гашиша, «спайса». Регулярно потребляла вещества амфетаминового ряда в 2012–2014 годах
Яна	23	Ж	Сейчас – марихуана (количество варьируется от 2 до 15 раз за месяц); эпизодически – ЛСД и MDMA (3-4 раза), псилоцибиновые грибы; около полугода употребляла «спайс»
Ира	19	Ж	Марихуана – на регулярной основе; разовые пробы ЛСД, MDMA
Леда	21	Ж	Гашиш – на регулярной основе (еженедельно); эпизодически – амфетамин, экстази, ЛСД, псилоцибиновые грибы, MDMA

BETWEEN AWARENESS AND ILLEGALITY: YOUTH CULTURES OF SUBSTANCE USE IN SAINT PETERSBURG

Natalia Chernyshyova, Elizaveta Balatsyuk

Natalia Chernyshyova, Centre for Youth Studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia. Address for correspondence: HSE University, ul. Sedova, 55/2, Saint Petersburg, 192019, Russia. nchernisheva@hse.ru.

Elizaveta Balatsyuk, Centre for Youth Studies, HSE University, Saint-Petersburg, Russia. Address for correspondence: HSE University, ul. Sedova, 55/2, Saint Petersburg, 192019, Russia. ebalatsyuk@hse.ru.

We thank Maria Nemarova and Anna Bataeva for their help in carrying out the research project the results of which formed the basis of this article.

This article discusses the practice of using psychoactive substances (PAS) by young people as a process regulated by the norms of participants in the culture of consumption. We seek to make a contribution to the theoretical debate about normalization, since the creation of cultures of PSA use involves a number of normalizing techniques: safety requirements, separation from other cultures of drug use, the use of a normalizing discourse in narratives about PSA. Our study is based on 20 in-depth interviews with young people aged 18–30 who have experience using several types of psychoactive substances on a regular basis. We distinguish three main elements in the culture of substance consumption that demonstrate the diversity of drug use practices and values: the level of desired control over consumption, the approach to the choice of space where drug consumption happens, and attitudes toward physicality. The participants of the study perceive the culture of PAS consumption with which they identify as one of the social spheres of life where their life goals can be realized.

Keywords: Normalization; Recreational Drug Use; Consumer Culture; Consumer Practices; Psychoactive Substances; Young People

REFERENCES

- Arif, El'vira. 2013. "Vkluchit' rezhim boga—znachit vse mozno? Telesnost' molodezhi, potrebliaushchei zapreshchennye psihoaktivnye veshchestva." Pp. 255–276 in *Pro Telo: Molodezhnyi kontekst*, edited by Elena Omelchenko and Nadezhda Nartova. Saint Petersburg, Russia: Aleteia.
- Arnould, Eric, and Craig Thompson. 2005. "Consumer Culture Theory (CCT): Twenty Years of Research." *Journal of Consumer Research* 31(4):868–882. <https://doi.org/10.1086/426626>.
- Becker, Howard. [1963] 2018. *Autsaidery: Issledovaniia po sotsiologii deviantnosti*. Moscow: Elementarnye formy.
- Berdysheva, Elena, and Danila Nedikov. 2021. "Soblaznitel'nye fasady rynka kannabinoidov v rossiiskom darknete: Konstruirovaniie kachestva kak kliuch k sotsial'noi normalizatsii sprosa." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 13(2):172–206. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2021-13-2-172-206>.

- Bilgrei, Ola Røed. 2019. "Community-Consumerism: Negotiating Risk in Online Drug Communities." *Sociology of Health & Illness* 41(5):852–866. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.12864>.
- Biolcati, Roberta, and Giacomo Mancini. 2018. "Club Drugs and Rave Parties: A Pilot Study on Synthetic Drug Consumption Styles in a Sample of Young Italian Ravers." *Open Public Health Journal* 11(1):474–484. <https://doi.org/10.2174/1874944501811010474>.
- Dalgarno, Phil, and David Shewan. 2005. "Reducing the Risks of Drug Use: The Case for Set and Setting." *Addiction Research & Theory* 13(3):259–265. <https://doi.org/10.1080/16066350500053562>.
- Dmitrieva, Alexandra. 2013. "'Stilizatsiia' biograficheskikh traektorii cherez potreblenie narkotikov." *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* 16(3):154–171.
- Dolgova, Irina, Sventlana Alieva, and Iuliia Zolotareva. 2021. "Potrebitel'skoe povedenie v konsepte potrebitel'skoi kultury." *Sbornik konferentsii NITs Sotsiosfera* 6:5–9.
- Duncan, Tristan, Cameron Duff, Bernadette Sebar, and Jessica Lee. 2017. "'Enjoying the Kick': Locating Pleasure within the Drug Consumption Room." *International Journal of Drug Policy* 49:92–101. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2017.07.005>.
- Dwyer, Robyn, Amy Pennay, Rachael Green, Christine Siokou, Monica Barratt, Nicola Thomson, and David Moore. 2012. "The Social Contexts and Cultural Meanings of ATS Use and Their Implications for Policy and Practice" Pp. 56–68 in *Perspectives on Amphetamine Type Stimulants*, edited by Steve Allsop and Nicole Lee. Hawthorn East, Australia I. P. Communications.
- Gourley, Michelle. 2004. "A Subcultural Study of Recreational Ecstasy Use." *Journal of Sociology* 40(1):59–73. <https://doi.org/10.1177/1440783304040453>.
- Hannemann, Tessa-Virginia, Ludwig Kraus, and Daniela Piontek. 2017. "Consumption Patterns of Nightlife Attendees in Munich: A Latent-Class Analysis." *Substance Use & Misuse* 52(11):1511–1521. <https://doi.org/10.1080/10826084.2017.1290115>.
- Harkness, Shawnee. 2020. "Negotiating Drugs & Friendship: The Ambiguous Nature of Inclusive, Exclusive and Exclusionary Practices of Drug-Using Friendships through Life Transitions." *Inclusion vs. Exclusion* 11:46–61. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.23836.41603>.
- Hathaway, Andrew D., Natalie C. Comeau, and Patricia G. Erickson. 2011. "Cannabis Normalization and Stigma: Contemporary Practices of Moral Regulation." *Criminology & Criminal Justice* 11(5):451–469. <https://doi.org/10.1177/1748895811415345>.
- Hunt, Geoffrey P., Kristin Evans, and Faith Kares. 2007. "Drug Use and Meanings of Risk and Pleasure." *Journal of Youth Studies* 10(1):73–96. <https://doi.org/10.1080/13676260600983668>.
- Järvinen, Margaretha, and Jakob Demant. 2011. "The Normalisation of Cannabis Use among Young People: Symbolic Boundary Work in Focus Groups." *Health, Risk & Society* 13(2):165–182. <https://doi.org/10.1080/13698575.2011.556184>.
- Kangaslampi, Samuli, Aino Hausen, and Tarina Rauteenmaa. 2020. "Mystical Experiences in Retrospective Reports of First Times Using a Psychedelic in Finland." *Journal of Psychoactive Drugs* 52(4):309–318. <https://doi.org/10.1080/02791072.2020.1767321>.
- Lamy, François. 2014. "Studying Recreational Polydrug Use through an Ontology Agent-Based Simulation." PhD dissertation, Faculty of Business, Charles Sturt University.
- Measham, Fiona, and Michael Shiner. 2009. "The Legacy of 'Normalisation': The Role of Classical and Contemporary Criminological Theory in Understanding Young People's Drug Use." *International Journal of Drug Policy* 20(6):502–508. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2009.02.001>.
- Móro, Levente, Katalin Simon, Imre Bárd, and József Rác. 2011. "Voice of the Psychonauts: Coping, Life Purpose, and Spirituality in Psychedelic Drug Users." *Journal of Psychoactive Drugs* 43(3):188–198. <https://doi.org/10.1080/02791072.2011.605661>.
- O'Gorman, Aileen. 2016. "Chillin, Buzzin, Getting Mangled, and Coming Down: Doing Differentiated Normalisation in Risk Environments." *Drugs: Education, Prevention and Policy* 23:247–254. <https://doi.org/10.1080/09687637.2016.1176991>.
- Omelchenko, Elena. 2002. "Tabula rasa ili Terra inkognita: Innovatsii i traditsii v antinarkoticheskoi deiatel'nosti." Pp. 65–92 in *Trinadtsatyi shag: Opyt analiza antinarkoticheskikh regional'nykh sotsial'nykh politik*, edited by Elena Omelchenko. Ulyanovsk, Russia: Izdatel'stvo Ul'ianovskogo gosudarstvennogo universiteta.

- Parker, Howard. 2005. "Normalization as a Barometer: Recreational Drug Use and the Consumption of Leisure by Younger Britons." *Addiction Research & Theory* 13(3):205–215. <https://doi.org/10.1080/16066350500053703>.
- Pawson Mark, and Brian C. Kelly. 2022. "Drug Normalization and Conventional Social Institutions: The Unusual Case of Prescription Drug Misuse." *Sociological Forum* 37(1):48–69. <https://doi.org/10.1111/socf.12778>.
- Pickering, Lucy, and Sharon Greenwood. 2019. "New for Who?: Novelty and Continuity in Drug-Related Practices of People Who Use New Psychoactive Substances." *Contemporary Drug Problems* 46(4):323–344. <https://doi.org/10.1177/0091450919885664>.
- Pilkington, Hilary. 2006. "'Dlia nas eto normal'no': Issledovanie 'rekreatsionnogo' upotrebleniia geroina v kul'turnoi praktike rossiiskoi molodezhi." *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 2(4):229–268.
- Pozdniakova, Margarita. 2016. "Narkosituatsiia v Rossii i novye modeli upotrebleniia narkotikov." *Sotsiologiia meditsiny* 1:25–30.
- Rychkova, Nadezhda. 2013. "Potrebitel'skie praktiki i modelirovanie povedeniia potrebiteli (metodologicheskii aspekt)." *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* 16(5):284–287.
- Skliamis, Kostas, Annemieke Benschop, Nienke Liebrechts, and Dirk J. Korff. 2021. "Where, When and with Whom: Cannabis Use, Settings and Self-Regulation Rules." *Contemporary Drug Problems* 48(3):241–259. <https://doi.org/10.1177/00914509211033921>.
- Yaden, David B., et al. 2017. "Of Roots and Fruits: A Comparison of Psychedelic and Nonpsychedelic Mystical Experiences." *Journal of Humanistic Psychology* 57(4):338–353. <https://doi.org/10.1177/0022167816674625>.
- Zinberg, Norman. 1986. *Drug, Set, and Setting: The Basis for Controlled Intoxicant Use*. New Haven, CT: Yale University Press.